И. И. ЛЕВИТАНЪ

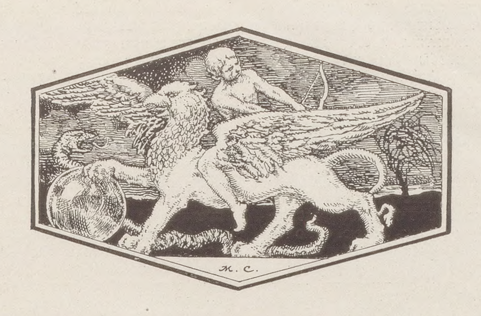

АЛЬБОМЪ
СОЛНЦА
РОССІИ

Безплатное приложеніе ко II-му изданію журнала «Солнце Россіи»

Левитанъ
М. Соломоновъ

ИСААКЪ ИЛЬИЧЪ ЛЕВИТАНЪ.

(1861—1900).

ѣсто, занимаемое Левитаномъ въ исторіи новой школы русской живописи, совершенно исключительно: оно опредѣляется не однимъ лишь превосходнымъ талантомъ художника, не только значительными размѣрами совершеннаго имъ труда, или замѣчательнымъ интимнымъ обаяніемъ его личности, а прежде всего тѣмъ, что на творчествѣ его явна для всякаго печать подлиннаго историческаго призванія. То былъ мастеръ не просто даровитый, а отмѣченный къ тому же необычайной судьбой; ему дано было осуществить то, что намѣчалось вокругъ него лишь въ видѣ страстнаго, но смутнаго броженія: прозрѣніе въ сокровенную сущность русской природы.

Нынѣ мы давно уже пользуемся плодами завоеваній Левитана, его духовной прозорливости и живописной интуиціи. Мы съ трудомъ воображаемъ, что когда-либо могли видѣть русскую природу иною, чѣмъ привычно намъ нынѣ, или не видѣть вовсе; поэтому-то мы уже не отдаемъ себѣ отчета въ томъ, какъ новъ и значителенъ былъ вкладъ Левитана въ русское художественное сознаніе, болѣе того, его воздѣйствіе на душевную жизнь всей націи. Дѣло въ томъ, что въ русскомъ пейзажѣ Левитанъ первый открылъ черты очевидныя нынѣ почти для всякаго воспріимчиваго человѣка, но которыя до него увидѣть и передать не сумѣлъ и даже не помыслилъ никто

Поэтому-то имя художника, сравнительно недавно еще пребывавшаго среди насъ (Левитанъ умеръ на рубежѣ XX вѣка) уже окружено живой легендой; слава его, уже успѣвшая миновать свой зенитъ и склониться къ ущербу въ тѣсныхъ художественныхъ кругахъ, съ каждымъ годомъ множится и ширится, захватывая все болѣе многочисленные круги русской интеллигенціи. Поэтому-то и представляется своевременнымъ напомнить читателямъ важнѣйшія черты жизнеописанія, личнаго характера и творчества Левитана.

1.

Намъ еще трудно видѣть образъ Левитана въ четкомъ и холодномъ свѣтѣ исторической перспективы. Онъ еще слишкомъ близокъ къ намъ во времени, чтобы подробности его біографіи и оцѣнка его дѣятельности обозначились съ ясностью. Къ широкому изслѣдованію его наслѣдія приступили лишь недавно. Однако и сдѣланное донынѣ вызываетъ въ нашемъ представленіи, хоть и отрывочный, но яркій образъ Левитана.

Исаакъ Ильичъ Левитанъ родился въ 1861 году въ Кибартахъ, незначительномъ мѣстечкѣ Западнаго края, на самой прусской границѣ, въ семьѣ мелкаго желѣзнодорожнаго служащаго—еврея. Дѣтство будущаго художника было безотрадно; семья его, переселившись въ Москву, тщетно боролась съ тяжкой нуждой; однажды, самъ только что оправившійся отъ тифа, маленькій Исаакъ очнулся круглымъ сиротой. Тогда же начало предопредѣляться его художественное призваніе: двѣнадцати лѣтъ онъ поступаетъ въ Московское училище Живописи и Ваянія и для него начинаются долгіе годы труженичества и неизбывной нужды.

Интересныя и проникновенныя, хотя лишь очень краткія, воспоминанія художника М. Нестерова, создателя «Великаго Пострѣла» и «Святой Руси», друга и сверстника Левитана, какъ нельзя лучше рисуютъ послѣдняго въ эту пору его жизни, ихъ умѣстно приводить во всякой біографіи Исаака Ильича («Міръ Искусства», 1903 №№ 7-8):

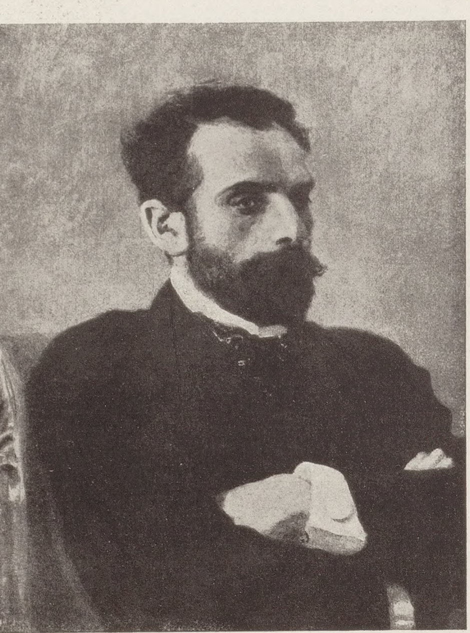
«То было весною», вспоминаетъ Нестеровъ... «давно, когда еще московская школа носила на себѣ тотъ своеобразный отпечатокъ страстнаго увлеченія и художественнаго подъема, вызваннаго удивительной личностью и горячей проповѣдью Перова, когда, казалось, пульсъ жизни школы бился особенно ускоренно...

..Вотъ тогда-то я впервые узналъ юнаго Левитана, такого же юношу, какимъ былъ и я.

Красивый мальчикъ еврей, болѣе похожій на тѣхъ мальчиковъ итальянцевъ, которые съ цвѣткомъ въ кудрявыхъ волосахъ такъ часто встрѣчаются на площадяхъ Неаполя и Венеціи, Левитанъ обращалъ на себя вниманіе и тѣмъ, что тогда уже слылъ за талантъ. До чрезвычайности скромно одѣтый, какъ сейчасъ помню, въ

клѣтчатый пиджачокъ, онъ терпѣливо ожидалъ, когда болѣе счастливые товарищи его, насытившись у старика «Моисеича», расходились по классамъ, тогда и Левитанъ застѣнчиво подходилъ къ Моисеичу, чтобы попросить его потерпѣть прежній долгъ (коп. 30) и дать ему вновь «до пятачка». Это часто было для него въ то же время и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ.

Левитанъ вообще тогда очень нуждался: про него ходило въ школѣ много разсказовъ, съ одной стороны, о его дарованіи, съ другой—о его великой нуждѣ. Говорили, что онъ не имѣетъ иногда ночлега.. Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ школѣ положеніе Левитана усложнилось еще тѣмъ, что ему, какъ еврею, было воспрещено проживать въ Москвѣ и въ училище ему нужно было приходить изъ пригорода; къ чести товарищей его нужно сказать, что они относились къ Левитану съ дѣятельнымъ участіемъ. Школьные годы Левитана, необычайно успѣшные, закончились однако малоудачно. Совѣтъ училища не утвердилъ картину, представленную Левитаномъ «на медаль» и принятую съ одобреніемъ его непосредственнымъ учителемъ Саврасовымъ; Левитанъ на отрѣзъ отказался представить другую картину, считая себя обойденнымъ; наконецъ, послѣ трехлѣтней волокиты, Левитану пришлось принять дипломъ на скромное званіе класснаго художника. Въ бытность его въ школѣ онъ принималъ участіе сначала въ ученическомъ отдѣленіи Передвижныхъ выставокъ, позже—съ учрежденіемъ ихъ — въ ученическихъ; по окончаніи школы онъ выставлялъ параллельно на Періодическихъ и Передвижныхъ, къ которымъ примкнулъ въ 1883 г.; жюри приняло одну изъ четырехъ присланныхъ имъ картинъ; участникомъ-же общества онъ, съ небольшими перерывами, оставался до самой смерти.

И. И. Левитанъ. Портретъ работы Полѣнова (1891 г.).

О послѣдующей эпохѣ перваго расцвѣта Левитана, вступившаго на путь самостоятельнаго исканія правды и настроенія въ русскомъ пейзажѣ, насъ довольно подробно освѣдомляютъ воспоминанія Маріи Павловны Чеховой, сестры покойнаго писателя, и другихъ друзей Левитана, воспоминанія, записанныя писателемъ С. Глаголемъ и воспроизведенныя имъ съ особенной полнотой въ монографіи о Левитанѣ въ серіи «Русскіе художники».

Въ поискахъ впечатлѣній и мотивовъ Левитанъ прожилъ лѣто 1884 года въ Останкинѣ; 3 года спустя, онъ, раннею весной, поселился въ Саввинской слободкѣ, характерной подмосковной деревнѣ; спустя годъ, онъ поселяется въ Бабкинѣ, куда его привлекаетъ дружба съ семьею Чеховыхъ. Тутъ Левитану удавалось, повидимому, совмѣщать упорный и обильный трудъ съ весельемъ, сельскими забавами, всѣми благами живого и непринужденнаго общенія съ окружающими его близкими людьми. Лишь иногда настигали его приступы смертельной тоски и меланхоліи, свидѣтельствующіе о какомъ-то, не вполнѣ разгаданномъ донынѣ, внутреннемъ раздвоеніи художника; тогда онъ сурово уединялся отъ людей. Тоска эта, по воспоминаніямъ друзей, довела его однажды до неудавшагося покушенія на самоубійство. Однако, эти періоды подавленности рѣдко бывали продолжительны. Работы надъ декораціями для частной оперы С. И. Мамонтова, предпріятія, ознаменовавшаго важнѣйшій этапъ въ обновленіи театральнаго и декораціоннаго искусства въ Россіи, нѣсколько разомкнули тиски матеріальной нужды, по прежнему тяготѣвшей надъ Левитаномъ; ему удается побывать въ Крыму (1885). Годъ спустя, онъ отправляется на Волгу, но его письма къ А. П. Чехову о первыхъ своихъ впечатлѣніяхъ звучатъ горькимъ разочарованіемъ и усталостью; лишь позже, во время второй поѣздки ему удается обрѣсти непосредственный, радостный и творческій подходъ къ картинамъ приволжской природы. Въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка Левитанъ совершаетъ обѣ поѣздки заграницу, посѣщаетъ Италію и Францію. Художественное движеніе, совершавшееся во Франціи, уже закончившаяся борьба т. н. импрессіонистовъ за «завоеваніе свѣта», новое устремленіе къ монументальному упрощенію живописныхъ формъ, все это не коснулось Левитана и прошло для него почти вовсе незамѣченнымъ. Все же онъ остро ощутилъ тотъ непрерывный и интенсивный подъемъ, тѣ побѣдоносныя муки творчества, отъ которыхъ содрогается Парижъ; онъ почувствовалъ въ немъ средоточіе художественной жизни.

Во вторую поѣздку въ Парижъ, незадолго до смерти, когда уже совершилось сближеніе между Левитаномъ и кругомъ молодыхъ новаторовъ, только что сгруппировавшихся вокругъ «Міра Искусства», его кругозоръ замѣтно расширяется. Не порывая рѣшительно со старымъ, онъ въ то же время тяготѣетъ къ новизнѣ; такъ, въ 1899 году онъ единовременно участвуетъ на Передвижной и на Международной выставкахъ, устроенныхъ въ ту пору С. П. Дягилевымъ и А. Н. Бенуа съ привлеченіемъ французскихъ и скандинавскихъ художниковъ. Это—послѣдній расцвѣтъ таланта и силъ Левитана; онъ давно уже переутомленъ; руководительство пейзажнымъ классомъ школы живописи и ваянія подрываетъ его силы; загадочная болѣзнь сердца разрушаетъ его жизнь; онъ мучительно борется съ недугомъ.

Біографъ Левитана, г. Глаголь посѣтилъ его въ предпослѣднее лѣто его жизни: Левитанъ до ужаса ясно сознавалъ свою обреченность: «Пошли гулять... Не могу убивать теперь дичь, сказалъ онъ вдругъ. Не хожу на охоту, видно, смерть моя близка. Онъ упалъ на землю и долго-долго рыдалъ».

Левитанъ умеръ въ Москвѣ, 22-го іюля 1900 г. Прахъ его покоится на еврейскомъ кладбищѣ, у Драгомиловской заставы. Онъ не дожилъ до 40 лѣтъ.

2.

Недалеко то время, когда русскіе художники воспринимали родную природу, лишь какъ обыденную и будничную обстановку жизни и труда (исключеніемъ являлись лишь до нѣкоторой степени мотивы своебразной, «нерусской» природы окраинъ Крыма и Кавказа); впечатлѣнія окружающей природы служили лишь сырымъ матеріаломъ для построенія пейзажей въ условномъ духѣ классическаго или голландскаго ландшафта; еще болѣе мертвенно-условнымъ былъ подходъ къ природѣ въ лѣсныхъ пейзажахъ Шишкина, съ натуралистической детализаціей выполненія, убивающей весь живой трепетъ непосредственнаго воспріятія. Новый, одухотворенный и зоркій подходъ къ русской природѣ возникъ не въ живописи, а въ литературѣ; «Записки Охотника» на цѣлыя десятилѣтія предварили Левитана. Лишь въ семидесятые и восьмидесятые годы стала прозрѣвать и живопись; пейзажъ «Грачи прилетѣли» учителя Левитана по московской школѣ, Саврасова, недаромъ считается Александромъ Бенуа моментомъ важнаго перелома въ исторіи новой русской живописи. Исканіе русскаго характера въ пейзажѣ охватило цѣлую группу талантливыхъ художниковъ, разсыпавшихся каждое лѣто по центральнымъ губерніямъ въ поискахъ за типичнымъ и благодарнымъ мотивомъ, группу, въ которую входили старшіе: Саврасовъ и Полѣновъ, молодежь, какъ: братья Коровины, Нестеровъ и др. Впервые полюбили русскую природу именно въ ея скудости, въ ея расплывчатыхъ и растрепанныхъ формахъ; русское мелколѣсье, молодыя березки, рѣдкая сосна, показались вдругъ привлекательнѣе строгаго и пышнаго южнаго парка. Влекла не одна лишь скромная дѣйствительность нашей природы, не одинъ лишь ея предметный и живописный міръ, а что-то несказанное, скорбное и мягкое очарованіе разлитое въ ней, пассивность, безглагольность, примиренность. Таково было то новое, что ощутили и стремились передать сверстники Левитана, но что осуществить въ полной мѣрѣ удалось лишь ему; ибо Левитанъ, не будучи мощнымъ и величавымъ геніемъ, все же сталъ, благодаря исключительнымъ качествамъ своей натуры, создателемъ у насъ **интимнаго** пейзажа, пейзажа **настроенія**.

Еврей-Левитанъ подошелъ къ русской природѣ, казалось-бы, со стороны, изъ иного культурнаго круга: но случилось такъ, что природа эта покрыла всю его громадную, почти болѣзненно-утонченную впечатлительность, наполнила его жизнь сладкимъ томленіемъ и меланхоліей, а его искусство—той восторженной, исключительной, до необъяснимости любовью къ Россіи, къ ея смиренной и неяркой красотѣ, любовью, которую можно сравнить развѣ съ той страстной, ирраціональной тоской, которая связываетъ съ далекой родиной сородичей Левитана, евреевъ-эмигрантовъ Европы и, особенно, Америки. Эта-то мистическая любовь и преодолѣла расовыя и бытовыя преграды, что отдѣляли Левитана отъ избранной имъ задачи.

При всемъ томъ Левитанъ не обладалъ безбурной и радостной ясностью великихъ творческихъ геніевъ; въ сознаніи своихъ человѣческихъ сладостей и предѣловъ своего дарованія, онъ сгоралъ муками творчества, мучительно ощущая какой-то разладъ, какую-то трещину въ своемъ душевномъ бытіи.

И. И. Левитанъ. Портретъ работы Л. Бакста (1899 г.).

Особенно опредѣленно сказалось его внутреннее смятеніе въ перепискѣ съ Чеховымъ, писателемъ, съ которымъ его связывала не только прямодушная и тѣсная дружба, но и явная аналогія съ нимъ во многихъ особенностяхъ таланта и міроощущенія.

«Но что же дѣлать», пишетъ онъ (цит. у Грабаря: «Левитанъ»), я не могу быть хоть немного счастливъ, покоенъ, ну словомъ, не понимаю себя внѣ живописи. Я никогда еще не любилъ такъ природу, не былъ такъ чутокъ къ ней, никогда еще такъ сильно не чувствовалъ я это божественное нѣчто, разлитое во всемъ, но что не всякій видитъ, что даже и назвать нельзя, такъ какъ оно не поддается разуму, анализу, а постигается любовью. Безъ этого чувства не можетъ быть истинный художникъ. Многіе не поймутъ, назовутъ, пожалуй, романтическимъ вздоромъ—пускай!. Можетъ ли быть что трагичнѣе, какъ чувствовать безконечную красоту окружающаго, подмѣчать сокровенную тайну своего безсилія, выразить эти большія ощущенія». И дальше:

«Господи, когда же не будетъ у меня разлада? Когда я стану жить въ ладу съ самимъ собою? Это, кажется, никогда не будетъ. Вотъ въ чемъ проклятіе»...

Это пониманіе искусства, какъ служенія, а таланта, какъ благодати, сближаетъ Левитана съ другимъ создателемъ русскихъ художественныхъ цѣнностей, М. Антокольскимъ, какимъ рисуютъ послѣдняго полуграмотныя, но проникновенныя письма, изданныя въ исправленномъ видѣ Стасовымъ. Мнѣнія о частной личности Левитана не совпадаютъ; если онъ покорялъ сердца граціей и обаяніемъ своего внѣшняго поведенія, тонкой красотой облика, глубоко-лирической настроенностью, въ то же время не мало вызывала нареканій извѣстная половинчатость поведенія Левитана по отношенію къ группамъ, боровшимся въ концѣ его дѣятельности за первенство въ русскомъ искусствѣ; упрекали его въ наивномъ художественномъ эгоизмѣ, позволявшемъ ему пользоваться для своего творчества мотивами, отысканными другими художниками. Такъ или иначе, въ большинствѣ воспоминаній о Левитанѣ, въ частности же, въ упомянутыхъ

мною уже строкахъ Нестерова, жива умиленная, любовная и какая-то торжественная память о немъ.

Въ твореніяхъ Левитана настолько очевидны и привлекательны стихія лиризма и музыкальной гармоніи, что зритель не сразу обращается къ матеріальнымъ и формальнымъ моментамъ его таланта, къ его живописной манерѣ и техническому строю его мастерства.

Между тѣмъ, новыя задачи требовали новыхъ средствъ выраженія. Дѣйствительно, живописные пріемы Левитана ничѣмъ, почти, въ Россіи не подготовлены. Рабскій реализмъ, точно воспроизводящій всѣ признаки предмета, школьный трафаретъ, зиждущійся на условномъ представленіи о вещахъ, онъ замѣнилъ реализмомъ впечатлѣнія. Не тщась воспроизвести природу мнимо объективную, онъ искалъ красочныхъ соотвѣтствій своему субъективному воспріятію ея, не копировалъ мотивъ, а претворялъ его. Чтобы передать всю трепетную свѣжесть своего личнаго «видѣнія» природы, онъ долженъ былъ разрушить твердые контуры, очерчивающіе предметы, тончайшими переходами тоновъ передать измѣнчивую ихъ окраску, мѣняющуюся при мѣняющемся освѣщеніи.

Пейзажи Левитана не знаютъ того мертваго покоя бездушныхъ вещей, который тяготѣетъ надъ картинами, придуманными и написанными въ мастерскихъ; его природа замираетъ въ покоѣ, дышетъ зноемъ или мягко колеблется подъ недвижимымъ дуновеніемъ. Его лѣса не распадаются на жесткія схемы деревьевъ; это — слитныя и оживленныя массы, омытыя дымчатой атмосферой.

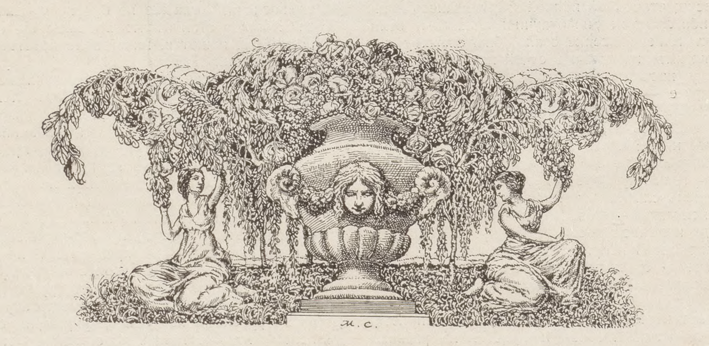
Въ этомъ смыслѣ Левитана можно назвать «импрессіонистомъ», хотя съ теченіемъ французской живописи, представители котораго (Монэ, Ренуаръ и др.) получили эту нѣкогда насмѣшливую кличку, онъ имѣетъ мало общаго. Французская живопись, этотъ основной стержень художественной эволюціи минувшаго столѣтія, подошла къ нему въ лицѣ другихъ своихъ представителей, т. н. «барбизонцевъ», а прежде всего геніальнаго пейзажиста («фигурныя» композиціи его получили признаніе лишь въ послѣдніе годы)—Камилля Коро, величайшаго изъ лириковъ кисти.

Ростъ Левитана совершился не сразу; не сразу сказался у него, тяготѣвшаго первоначально къ нѣсколько тусклой гаммѣ, и замѣчательный даръ колориста; въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ нашелъ себя лишь подъ длительнымъ вліяніемъ Полѣнова. Временемъ его расцвѣта были конецъ 80-хъ и начало 90-хъ годовъ. «Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ на Волгѣ въ Плесѣ, дали цѣлый рядъ полныхъ удивительной лирической красоты картинъ», вспоминаетъ Нестеровъ, «который послужилъ основой настоящей извѣстности Левитана. Въ это время онъ успѣшно работалъ надъ собой. Тонкій умъ его, склонный къ глубокому созерцанію, помогалъ его таланту отыскивать пути къ изученію сложной сѣверной природы. Его техника крѣпла. Поѣздки за-границу дали большую увѣренность въ себѣ. Тамъ, на западѣ, гдѣ искусство дѣйствительно свободно, онъ убѣдился, что путь, имъ намѣченный раньше, вѣренъ». Въ ту пору возникаютъ «Надъ вѣчнымъ покоемъ», «Золотая осень», «У омута», «Тихая обитель», съ появленія которой на Передвижной выставкѣ стало казаться, по картинному опредѣленію Александра Бенуа, «точно сняли ставни съ оконъ, точно раскрыли ихъ настежь, и струя свѣжаго душистаго воздуха хлынула въ спертый выставочный залъ». «Раньше же», продолжаетъ Бенуа, «Левитанъ не отличался отъ другихъ пейзажистовъ, отъ ихъ общей сѣрой и вялой массы». Другіе критики не усматриваютъ въ этихъ произведеніяхъ Левитана внезапнаго спасительнаго перелома, считая его постепенно подготовленнымъ предшествуемымъ развитіемъ художника.

Съ той поры каждый годъ приноситъ шедевры: «Свѣжій вѣтеръ», и «Озеро», „Большую дорогу“ и „Сумерки“. Было бы притязательнымъ пытаться передать словесными уподобленіями поэтическую прелесть этихъ произведеній: къ тому же простой и внятный языкъ ихъ формъ доступенъ всякому.

Если въ началѣ своего пути Левитанъ, какъ художникъ направленской эпохи и выученикъ воинствующихъ передвижниковъ, стремился воздѣйствовать на чувствительность созерцателя посторонними чистой живописи средствами: тенденціознымъ выборомъ мотива, подчеркиваніемъ „настроенія“ внѣшними контрастами, то въ послѣдніе годы онъ отвлекся отъ этихъ литературныхъ элементовъ во имя безкорыстнаго культа живописной красоты. Годы эти, омраченные недугомъ, не знаменуютъ колебанія или ослабленія въ творчествѣ Левитана. До конца онъ продолжаетъ расти въ своихъ твореніяхъ; путь его не былъ завершенъ, а оборванъ насильственно; онъ раздѣлилъ судьбу —роковую для нашего искусства—Врубеля и Сѣрова: умеръ слишкомъ рано, не досказавъ своего слова и не оставивъ достойныхъ преемниковъ.

Андрей Левинсонъ.

Третьяковская галлерея

Церковь въ Плесѣ (Костр. губ.).

Альбомъ «Слава Россіи» И. И. Левитана.

Третьяковская галлерея

Вечеръ.

Музей Императора Александра III.

Пейзажъ.

Весна. Коллекція А. Лангового

Луга. Третьяковская галлерея

Третьяковская галлерея.

Мартъ.

Третьяковская галлерея

Крымскій этюдъ.

«Весеннія воды».

Третьяковская галлерея.

Внутренность церкви свв. Петра и Павла въ гор. Плесѣ (Костр. губ.).

Собраніе Д. И. Трояновскаго.

Собраніе Ж. Ланговаго.

Бордигера.

Третьяковская галлерея.

Цѣпь горъ Монбланъ.

Коллекція П. Трояновскаго. Вишневый садъ въ цвѣту.

Музей Императора Александра III Въ лѣсу.

Монбланъ.

Коллекція И. Трояновскаго.

Осенній день (Сокольники).

Третьяковская галлерея.

Третьяковская галлерея. Осень.

Третьяковская галлерея. Лунная ночь.

Надъ вѣчнымъ покоемъ.

И. Левитанъ.

Музей Императора Александра III

Солнечный день.

Третьяковская Галлерея.

Золотая осень.

Музей Императора Александра III.

Буря. Дождь.

Музей Императора Александра III

Золотая осень. Слободка.

Мельница.

Собраніе Н. А. Морозовой — Тишина.

Собраніе И. С. Остроухова — Мостикъ.

Собраніе И. Трояновскаго — Восходъ луны.

Собраніе Шмаровина — Заросшій прудъ.

Третьяковская галлерея

Ветхій дворикъ.

Вятскій музей.

Весной въ лѣсу.

Собраніе Е. Лукиной

Солнечный день.

Сумерки.

Третьяковская галлерея. Вблизи Бордигеры. Италія.

Музей Императора Александра III

Пастель.

Коллекція И. Трояновскаго

Озеро.

Рисунокъ безъ названія. Коллекція А. Лангового

Просѣка. Музей Императора Александра III

Березовая роща.

Третьяковская галлерея — Весна въ Италіи.

Третьяковская галлерея — Крымскій этюдъ. — [illegible] И. И. Левитанъ

Третьяковская галлерея.

Альпы.

Третьяковская галлерея.

На дачѣ. Осень.

Деревня осенью — Музей Императора Александра III.

Нейшлотъ. — Третьяковская галлерея

Солнечный день.

Осень.

Третьяковская галлерея

Зимній вечеръ.

Крымскій этюдъ. — Третьяковская галлерея.

Пейзажъ. — Музей Императора Александра III.

Заросшій прудъ. Собраніе Д. И. Трояновскаго.

Рисунокъ безъ названія.

У берега моря. — Музей Императора Александра III

Ночь въ деревнѣ. — Музей Императора Александра III

Третьяковская галлерея

Мостъ черезъ рѣку.

Альбомъ [illegible]

Собраніе Д. И. Трояновскаго.

На сѣверѣ.

Волга. Третьяковская галлерея.

Послѣ дождя. Третьяковская галлерея.

Коллекція И. Трояновскаго.

Весна.

Коллекція И. Трояновскаго

Плоты на Окѣ.

Ручей. Музей Императора Александра III

Послѣдніе хорошіе дни осени. Коллекція А. Лангового.

Собраніе Алферова. Тихая обитель.

Собраніе И. Трояновскаго. Шоссе.

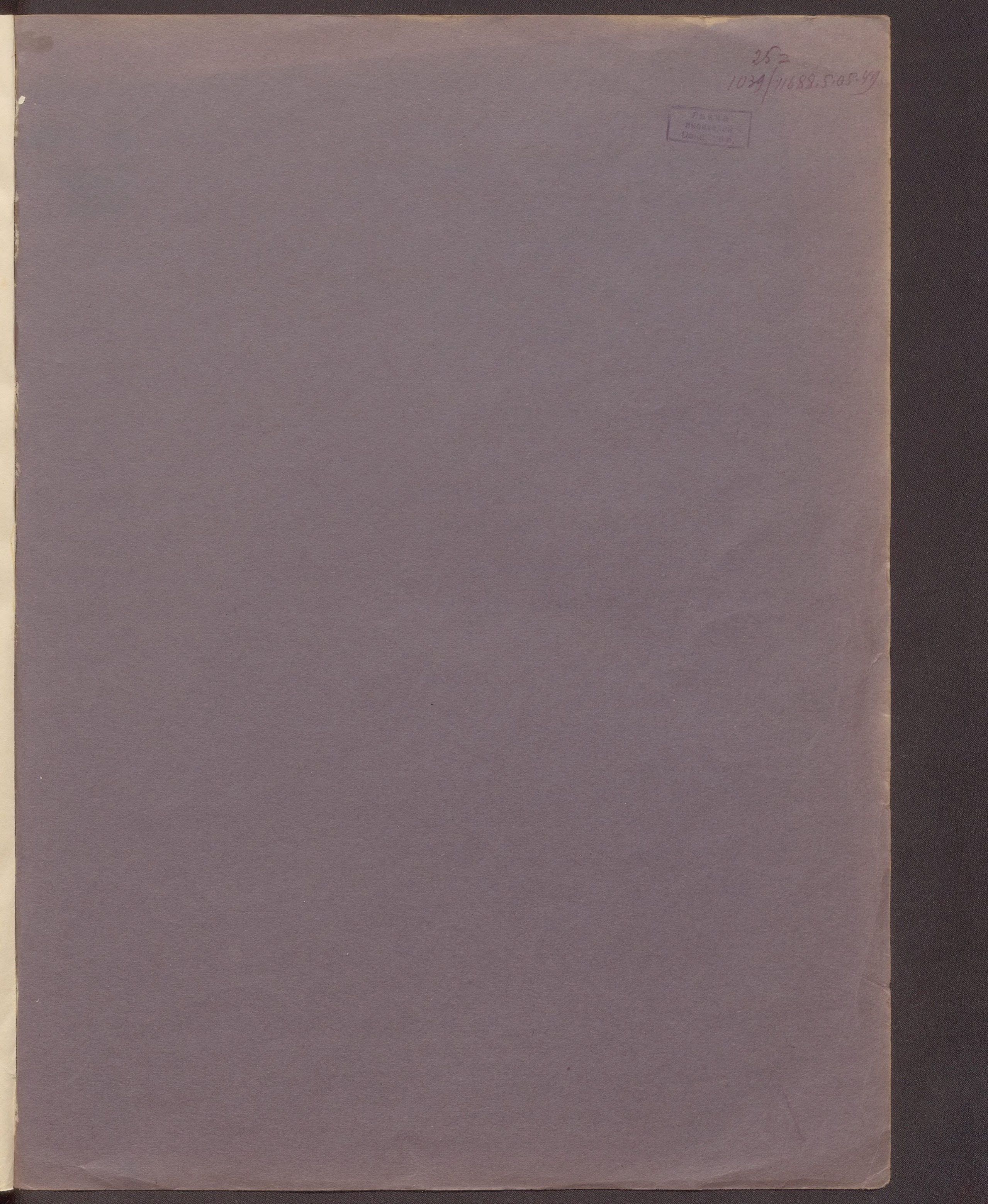
Собраніе Румянцевскаго музея. Вечеръ.

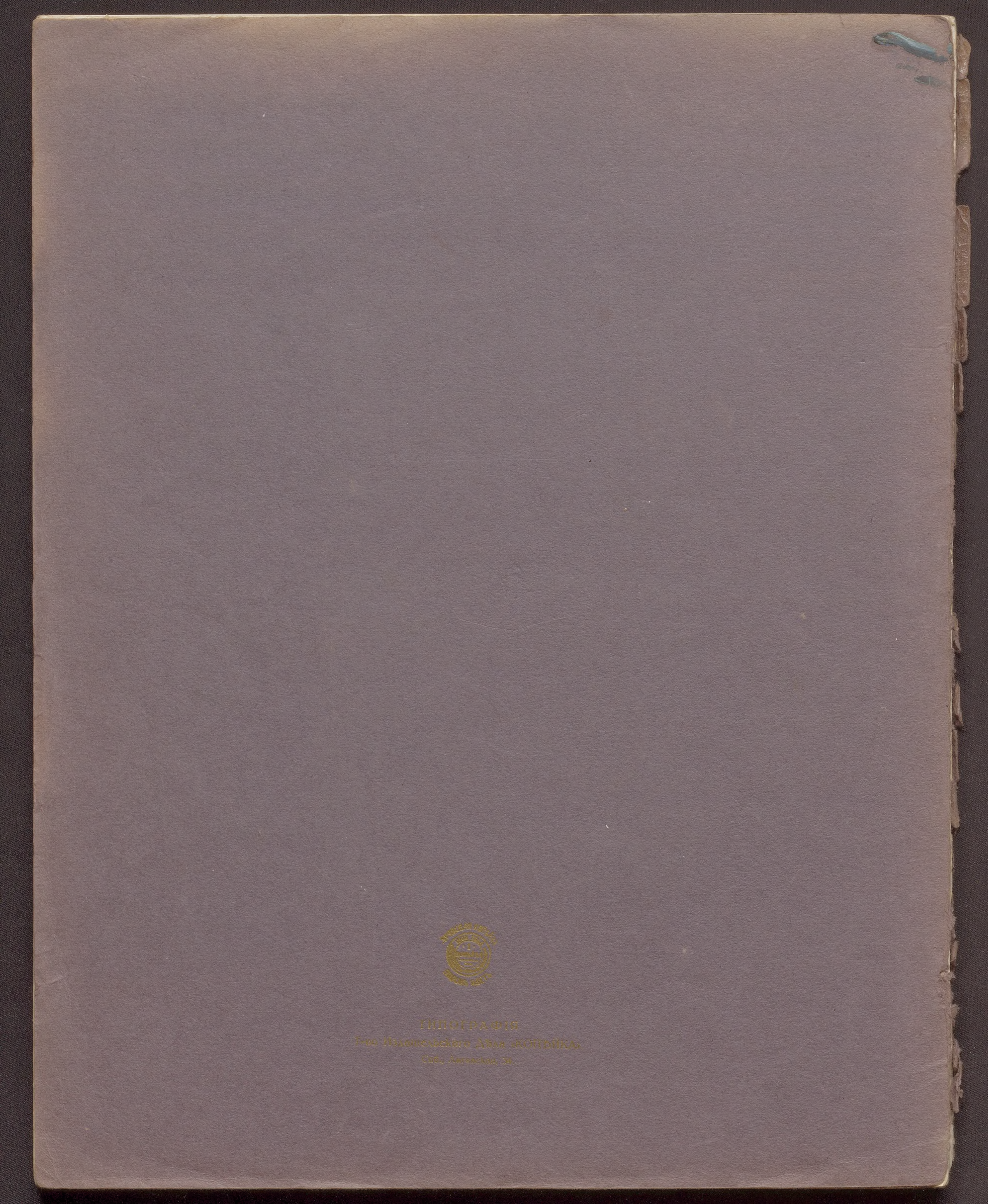

Собраніе А. Лангового. Этюдъ.

Собраніе А. Лангового. Рисунокъ безъ названія.

25=
1034/11688.5.05.49

ТИПОГРАФІЯ
Т-ва Издательскаго Дѣла «КОПѢЙКА»
СПБ., Лиговская, 38.